

ЮЛИЯ ГАУФ
ЗИМНЕЕ ЧУДО
ДЛЯ БОССА

Юлия Гауф

Зимнее чудо для босса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69513601

SelfPub; 2023

Аннотация

– Так-так, – услышала я бархатистый мужской баритон. – И что у нас здесь происходит?– Украшаю приемную к Новому Году, – обернулась, и увидела перед собой настоящего красавчика – темноволосый, высоченный, одет в дорогуший костюм.– Ты Надя! – красавчик не спросил, он утвердительно это произнес, и я кивнула. – Та самая, которая то в отпуске, то на «больничном»? Та, кто в первый же день не работой занимается, а ерундой? Та, кто потакала моему отцу? И из-за его разгильдяйства мне придется руководить этой богадельней.Мужчина перестал казаться мне красивым.Наглый, и вдобавок болван!Так коллеги не ввали, и у нас новый босс?– Вы сказали «руководить»?– Всеми, кроме тебя. Ты уволена!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	36
Глава 5	54
Глава 6	65
Глава 7	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Юлия Гауф

Зимнее чудо для босса

Глава 1

– С возвращением, Надька, – подруга обняла меня, когда я вошла в офис. – Ну и дала ты жару, два месяца на больничном! Везет.

– Перелом ноги – то еще счастье, – хмыкнула я, и начала продвигаться к приемной, кивая встречным коллегам, и улыбаясь.

Мне двадцать пять лет, у меня есть высшее образование. А еще я секретарша, чего очень стыдится моя мама.

И я просто обожаю свою работу! Люблю старенького шефа, который добавляет крепкие капельки в принесенный мною кофе, и к обеду мирно дремлет. Он не орет, не капризничает, отпускает вовремя, и я успеваю заехать за дочкой.

– Надь, – Ксюша побежала за мной в приемную, стуча каблучками, – ты новому боссу постарайся понравиться, ладно? А то, говорят, он новую секретаршу ищет.

– Новому боссу? – нахмурилась я. – Ты о чем, Ксю?

– Так Борис Ефимович дела передает своему сыну, а сам на покой уходит. Дай Боже, не на вечный. А Никита, говорят,

тобой недоволен. Ну ты это, осторожнее будь, ладно?

Я рассеянно кивнула, и начала выкладывать на свой рабочий стол конфеты и торт, которые сделала сама. Есть у меня такое хобби – десерты готовить вместе с дочкой. Забавно, что при нашей любви к изготовлению сладостей, поедать эти самые сладости мы не любим.

Зато угощать очень даже. Классная руководительница моей Лизы уже пять кило набрала благодаря моим угощениям.

– Привет, Надюша, – в приемную вошел Борис Ефимович, постукивая элегантной тростью. – Наконец-то ты вернулась! О, мои любимые, трюфельные, – облизнулся шеф, а при виде торта «Графские развалины» его глаза и вовсе загорелись. – Кудесница!

– Льстите. А лучше бы премию выписали! Да вы угощайтесь, – я подвинула конфеты поближе к шефу.

– Я только вошел, а ты уже деньги требуешь. Женщины, – Борис Ефимович цокнул языком, взял шоколадный трюфель, и с наслаждением его слопал.

Вот я так и знала, что Ксюша как обычно напридумывала ерунды.

Ну какой новый шеф, когда старый на месте?! Да и не потянет молодой оболтус управление международной логистической компанией. Конечно, всеми делами занимаются руководители отделов, а наш Борис Ефимович в основном отдыхает, но клиенты наши ему верны. И вряд ли будут работать с молодым да борзым золотым мальчиком.

Я нарезала торт, наблюдая, как шеф одну за другой ворует с моего стола конфеты, будто пятилетний мальчишка. Хорошо что я много с собой взяла, скоро коллеги начнут подтягиваться, а отказываю в угощениях я лишь Вере. Она та еще стерва.

– Вы к себе идите. Я вам кофе с тортиком принесу. А потом приемную украшу, Новый Год на носу, – я с предвкушением посмотрела на второй пакет, который принесла с собой, и набит он игрушками и гирляндами.

А в подсобке елка стоит, которую нужно вытащить, и украсить.

Ох, как же я люблю эту предпраздничную суету!

– Надюш...

Борис Ефимович вздохнул, странно глядя на меня, и покачал головой.

– Что?

– Ничего, – вздохнул шеф. – Потом поговорим.

Хм, может, премии в этом году не будет, и про это Борис Ефимович не решается мне сказать? Если так, то новость неприятная. Сначала я ушла в законный отпуск на четыре недели, год ради этого работала, не отдыхая. А все для того, чтобы дочке помочь справиться, она теперь не малышка-детсадовка, а первоклашка.

А потом, в предпоследний день отпуска, я банальнейшим образом упала на даче, и так «удачно», что сломала левую ногу и правую руку.

Сломала бы еще нос, был бы хет-трик. Комбо!

А деньги, к сожалению, имеют неприятное свойство заканчиваться.

– Ой, конфетки. А я на диете к новому году, но пара штук же не повредит? – забежала Маша из бухгалтерии.

– Ммм, тортик. Надь, может, все же, выйдешь за меня? – в приемную заглянул Слава – наш специалист по таможенным декларациям, и традиционно предложил мне стать его женой. – Я буду тебя обеспечивать, а ты будешь меня вкусно кормить.

– Напоминаю: ты уже женат, – расхохоталась я, распаковывая елку.

– Так меня на всех хватит. Вроде закон скоро примут о многоженстве, я по новостям слышал.

– А я по новостям слышала, что инопланетяне уже среди нас, и вдобавок ожидается восстание машин. Все, иди уже, – замахала я на балбеса рукой.

Коллеги по очереди подтягивались в приемную, позабыв про то, что к корпоративу дружно худели, и поедали мои конфеты, торт, и кокосовое печенье, пока я с удовольствием украшала белую елку красными и синими шариками.

– Так-так, – услышала я за спиной бархатистый мужской баритон. – И что у нас здесь происходит?

– Новогоднее волшебство здесь происходит. Добавляю скучной приемной праздничные нотки, – обернулась, и увидела перед собой настоящего красавчика – темноволосый,

высоченный, одет в дорогуший костюм. На вид лет тридцать.

Ух, какой! Новый сотрудник? Клиент? Партнер?

– Ты Надя! – красавчик не спросил, он утвердительно это произнес, и я кивнула. – Та самая, которая то в отпуске, то на «больничном». Та самая, кто в первый же день не работой занимается, а ерундой, – мужчина сузил глаза, перечисляя мои прегрешения. – Та самая, кто потакала моему отцу, подливая в кофе коньяк. И из-за его пьянства мне придется руководить этой богадельней.

Мужчина перестал казаться мне красивым.

Наглый, и вдобавок болван!

– Во-первых, я и правда болела. А на отпуск имеют право все, с кем трудовой договор заключен, – сложила я руки на груди. – Ерундой я не занимаюсь, мой начальник прекрасно осведомлен о том, что я украшаю приемную. И никому я коньяк не подливала! И... что? Вы сказали «руководить»?

Так коллеги не ввали, и у нас новый босс?

– Да. Руководить, – отрезал мужчина. – Всеми, кроме тебя. Наслышан о твоей «работе». Ты уволена!

Он произнес это, и вошел в кабинет директора.

НИКИТА

Отец на старости лет стал жутко сентиментальным. Он уже неделю мог не являться в офис, но решил дождаться, пока вернется его секретарша-бездельница.

– Папа, – кивнул я ему. – Ты своей секретарше не сказал,

что она уволена?

– Не сказал.

– Почему? – я сел напротив, и взял с блюдца конфету, оказавшуюся дико вкусной. – Твоя Наденька сильно удивилась, когда я ей сообщил. Наверное, так и стоит посреди приемной, и воздух ртом хватает. Мог бы и сам сказать ей, чтобы написала заявление.

Отец хмыкнул, а затем нахмурился, наблюдая как я потянулся к еще одной конфете, и резко придвинул к себе блюдце.

Вот черт, не успел.

– Почему не сказал? А потому что ты ее не уволишь, – заявил он.

– Уже уволил. Ты на пенсию уходишь, новый глава компании – я. И мне такая секретарша не нужна.

– Надя – идеальный сотрудник.

– Бездельница твоя Надя, – парировал я.

– Душа компании! – сузил отец глаза. – И, к слову, компанию я на тебя пока не переписал. Ее владелец я, а не ты. И если ты решил уволить Надю, то прости, сынок, я с директорского кресла не встану. Потерплю истерики твоей матери, но работу не брошу.

Я присвистнул.

– Мы действительно спорим из-за твоей секретарши? Из-за этой пигалицы? – покачал я головой.

Я здесь не первую неделю, и даже не первый месяц дела

принимаю. И сам желанием не горел сидеть в офисе, одеваться в душный костюм и целыми днями думать о том, как не потерять клиентов, решать вопросы с партнерами, товар которых задержали на таможне, и воевать с налоговиками.

Но отец уже стар. Мать начала доставать меня, что он спивается на старости лет, даже детектива наняла. И выяснила, что его лентяйка-секретарша наливает папе не только кофе, но и кое-что покрепче. А все ради того, чтобы ерундой заниматься, пока старик на диване дремлет.

– Неужели тебе Надя не понравилась? – хитро прищурился папа.

Вспомнил золотисто-карие глаза, темные локоны и мягкую улыбку отцовской секретарши, и признался самому себе – не знай я «милых» подробностей про эту девушку, может, и повелся бы на нее. Пару недель или месяц с удовольствием бы провел с ней.

Но я в курсе, что она жуткая лентяйка, которая про деловую этику даже не слышала. И вдобавок ради того, чтобы бездельничать вместо того чтобы работать, моего отца спивала.

– Нет, не понравилась, – отрезал я.

– Какого дурака и сноба я вырастил, – отец наморщил лоб, и выдал: – Вот тебе мое условие, при котором я перепишу на тебя компанию: секретаршу мою ты не уволишь! Более того, ты на ней женишься! Да, Никита, вот так! Даю тебе год, пока мы с матерью в круизе будем. За этот год я должен получить

приглашение на вашу свадьбу, а как женишься на ней, то так и быть, увольняй. Пусть дома сидит.

– Что? – не поверил я своим ушам. – Отец, это бред какой-то! Или ты шутишь? В каком месте смеяться?

– Надя – девушка хорошая, – строго сказал папа. — Ты слишком рано командовать начал, я пока на тебя компанию не переписал, напоминаю еще раз. И условие я озвучил. Иначе через год я вернусь, вычеркну тебя из завещания, сяду в это кресло и буду руководить. И в истериках матери виноват будешь только ты, сынок, – отец встал с кресла, обошел стол, и похлопал меня по плечу, довольный сотворенной пакостью.

– Ни за что! – рыкнул я.

– Твое право. Но один год у тебя есть время подумать. А пока иди к Наде, и скажи, что насчет ее увольнения ты пошутил. Иначе я на пенсию не выйду точно, и твоя мать поедет в круиз одна.

Ненавижу шантаж!

Я уже хотел послать отца с его самодурством и старческими бреднями куда подальше, но представил, как мама будет проедать плешь и мне, и папе, и всем родственникам. Скандалить она умеет красиво – со слезами и битьем посуды, с заламыванием рук и обмороками.

Бррр, ну уж нет.

– Ладно, пусть эта бездельница остается. Твоя взяла!

Я встал, и направился к двери, чтобы поговорить с люби-

мицей отца, который окончательно сбрендил.

Время и повод уволить негодяйку я найду.

И уж точно не женюсь на этой особе!

НАДЯ

Нет, ну что за подлец, а?

Я застыла с елочным шариком в ладони, так и не повесив его на белую красавицу-елочку.

Я – лентяйка?

Я постоянно в отпуске и на больничном?

Я спаиваю Бориса Ефимовича, который... да он мне как отец! Знаю, конечно, что он коньячок держит в столе, и добавляет его в мой кофе, и ругала его за это, но как мне запретить это?!

– Ну и прекрасно! – возмутилась я, и начала складывать свои вещи в пакеты. – Уволили, так я уйду!

Барахла набиралось много. Сувениры, чашки, блокноты, игрушки для Лизаветы, которые она забывала у меня на работе. И все это я складывала в пакеты, в которые еще утром упаковывала сладости, чтобы всех угостить.

И обидно-то как, хоть плачь! Этот свин неблагодарный, который сын Бориса Ефимовича, ни разу в компании не появлялся, даже не думал отцу помочь, поинтересоваться, как он и что. Наслышана я про их отношения, и как этот самый Никита в юности родителям нервы трепал.

А тут пришел, как кое-кто с горы, и меня выгнал!

Обида схлынула быстро, и я рассердилась. А затем посмотрела на свои почти до конца собранные вещи по-новому.

– Хм, а с чего это я должна уходить? – пробормотала я, и тут дверь кабинета открылась.

Кто бы это ни был – Никита Борисович, или Борис Ефимович, свое слово я скажу любому из них!

Но это оказался Никита Борисович собственной не самой чудесной персоной.

– Надя, ты... – заговорил он, состроив недовольное выражение лица, и я вспыхнула.

Сейчас скажет какую-нибудь гадость в стиле: «Ты еще здесь? Сейчас охрану позову, и вышвырнут тебя, как преступницу!»

Потому я перебила:

– Да, я еще здесь! – вскинула я подбородок. – Уволить меня вы не сможете, так и знайте! Трудовую дисциплину я не нарушала, работала добросовестно. Отпуск, которым вы меня попрекнули, положен каждому человеку, а больничный... я сломала ногу и руку, лист нетрудоспособности в бухгалтерии лежит, сходите и проверьте! – набрала в грудь воздуха, подстегивая себя, и продолжила: – А еще я мать-одиночка, вот так-то! И незаконно меня увольнять, я в суд подам, так и знайте!

– Все сказала?

Никита хмыкнул, недовольство исчезло с его лица, и на

смену ему пришло любопытство, и нечто похожее на умиление. Так смотрят на маленьких детей, которые наслушались взрослых разговорах, и пытаются вещать что-то умное, ни черта при этом не понимая.

– Да! – воскликнула я воинственно.

– Уволить я тебя не могу, а вот вынудить написать заявление...

– Тоже не можете, – я прямо ответила взглядом на взгляд, хотя в душе немного трусила. – Не на ту напали.

– Да я уж вижу, – усмехнулся он. – Отца моего зачем спаивала? Думаешь, я не разузнал о тебе ничего? Батя похрапывал на диванчике, а ты сидела и любовные романы читала вместо того, чтобы работу работать. Врать не стыдно, Наденька?

– А сплетни собирать не стыдно? И не спаивала я Бориса Ефимовича, – воскликнула я, и тихо добавила: – Он сам с этим прекрасно справлялся.

– А как насчет безделья? – Никита открыто улыбнулся, подначивая меня. – Только пришла, три месяца не было, и в игрушки играешь. Работать кто будет? Планировала мишуру развесить, а потом сесть почитать любовные романчики?

Я покраснела, до того этот мужчина меня рассердил. Талант у человека: знакомы десять минут, и он довел меня так, как даже родительский чат в ватсапе не доводил. А там такой трэш творится, уму непостижимо!

– Вам Вера наболтала про то, что я бездельничаю?

С Верочкой мы со школы знакомы, и она меня недолюбливает. Даже так, она меня терпеть не может, хотя ничего плохого я ей не сделала. Наоборот, мужа своего бывшего к ней отправила жить, застав их на прошлом корпоративе в пикантный момент.

Может, поэтому она меня еще больше возненавидела? Се-режа – тот еще подарочек!

– Информаторов я не сдаю, – Никита облокотился бедрами о стол, и потянулся к моим конфетам.

Я не жадная, но этот мужчина угощение не заслужил! Я показательно отодвинула от него блюдце:

– Это не вам!

– Жадина, – расхохотался Никита Борисович. – Ладно, раз уходить не хочешь, то работай, так и быть. Будешь моей секретаршей, отец на год из страны уезжает. И купи еще этих конфет, – он указал на блюдце, которое я отодвинула на дальний край стола. – Кстати, в праздники работать я буду сверх нормы. И ты будешь вместе со мной.

Мужчина перегнулся через стол, взял мое блюдце с моими конфетами, и прямо при мне нагло слопал две штуки. А затем направился в кабинет.

Глава 2

– Не заслужил ты моих конфет! И приемную красивую не заслужил, – проворчала я, когда вышла из директорского кабинета, в который приносила кофе. Никита кофе принял с царским видом, а Борис Ефимович трусливо избегал моего взгляда.

Никита ведь меня именно из-за того, что я елку украшаю, упрекнул.

Гринч! Самый настоящий! А это традиция в нашей компании, да и во многих других – к Новому Году украсить кабинеты.

Я воевала с собой еще час, занимаясь текучкой, и переводя некоторых клиентов, по ошибке набравших номер приемной, на девочек-логистов. А затем плюнула на свои принципы, и взялась за елку, которая стояла в приемной неодетая и помятая, упрекая меня одним своим видом.

– Надюша, красота какая, – заискивающе произнес Борис Ефимович, который к обеду вышел из кабинета.

– Вы меня, конечно, простите, но вам не стыдно? – нахмурилась я.

– Очень стыдно, – покаянно ответил шеф.

То есть, уже бывший шеф.

– Не сказали, что уходите. Не написали мне. Не предупредили.

дили, что ваш сын сплетников слушает, и меня выгнать хочет. А я вам еще сладости носила, – покачала я головой.

Право на упреки я заслужила. Когда в позапрошлом году Борис Ефимович долго не появлялся из кабинета, именно я зашла проверить его, хотя он говорил, чтобы его не тревожили. И нашла его на полу. И именно я сидела с ним в палате, пока жена была на Мальдивах, а сын вообще непонятно где, и никто не отвечал на звонки.

С другой стороны, когда у дочки в прошлом году был новогодний спектакль, а мы с мужем находились в процессе расставания, то Борис Ефимович был тем, кто пришел на выступление в детский садик. Моя Лиза его дедулей зовет, любит на работе у меня сидеть, и шеф это позволяет.

Вернее, позволял. Этот сноб вряд ли разрешит иногда приводить мою дочурку, и придется нанимать няню.

– Ты не сердись, Надя. Вы поладите. Никита – хороший парень, – с явным сомнением в голосе произнес Борис Ефимович.

– Хороший. Где-то глубоко в душе, – тихо, чтобы шеф не услышал, проворчала я, и этот самый Никита вышел из кабинета.

– Мы обедать, Наденька. Сегодня я уже не вернусь, но перед отъездом приду, навещу тебя. И Лизавете подарок принесу.

Никита кивнул своему отцу, и оба они ушли обедать, оставив приемную в моем распоряжении. И я принялась за укра-

шения. А еще ведь постоянным клиентам нужно подарки упаковать: блокноты, ручки, календари и корзины с фруктами и сырами. Интересно, это тоже Никита Борисович называет баловством?!

Грустно как-то, все меня оставляют именно под Новый Год. Муженек на прошлом корпоративе напился в зюю, и не нашел места лучше, чем женский туалет, чтобы обжиматься с Верочкой. Каялся потом, что бес попутал, и вообще, он мужчина, и от природы полигамен. Но постарается быть многогамным.

Под новый год я и отправила его стараться с Верочкой.

Теперь Борис Ефимович оставляет меня этому драконистому Никите...

– Вернулась? – в приемную заглянул Сергей. – А я с подарком.

Бывший муж, которого я зачем-то вспомнила, протянул букет роз, и с этим самым торжественно выставленным в руках букетом подошел к моему столу.

– Вера в другом кабинете, Сереж, – напомнила я, не спеша бежать за вазой.

– Я знаю, это тебе. В честь выздоровления, – добавил бывший. – Сам составлял, кстати.

– Ты весьма талантлив, – я оценила «креатив» из красных роз в красной бумаге и с черной лентой, что выглядело готично-экстравагантно, и никак не тянуло на подарок к выздоровлению сломанных частей тела. – Я ценю, уже здорова,

а ты иди, пожалуйста.

– Надь, – вздохнул бывший благоверный, – ну дай ты мне шанс! Я домой хочу, правда. Верка... по глупости все случилось. Тогда у меня с ней не было ничего, ты меня выгнала, когда я с ней еще не спал. По сути, все у нас с ней случилось уже когда ты меня выставила прочь, так что это не измена. Ну пообжимались мы с ней, так я в дрова был. А ты могла быть мудрее, согласишься? О семье не подумала, о ребенке, взяла и выгнала меня. Может, попробуем сначала начать?

– Может, ты выйдешь из приемной и вообще пойдешь к себе на работу? – возмутилась я.

Сергей никогда не умел извиняться по-человечески. Всегда через одно интимное место у него это получалось.

– Да что не так, ты объясни уже! – взорвался Сережа, и я мысленно поблагодарила распорядок трудового дня за то, что сейчас обеденное время, и в кабинете директора пусто.

– Говоришь, что домой хочешь, но Лизу навещаешь раз в три месяца. Она тебя уже не папа, а Сережа называет, – начала я перечислять. – Фигово ты домой хочешь! Говоришь, измены не было, но когда я тебя «выставила», к кому ты пошел? К Вере. Не квартиру снял, не пытался наладить все.

– Ты сама сказала, чтобы я к ней шел!

Я открыла рот, и тут же его закрыла. Какой послушный мальчик, надо же. Куда послали, туда и идет. А вот когда я в магазин Сережу посылала, он как-то не торопился посылать-

ся, а вместо этого чипсы на диване поедал. Наверное, тогда посылала плохо.

– Вот и сейчас я тебе говорю: иди отсюда, не приноси больше цветы. С Лизой, если хочешь, можешь общаться. Я ее против тебя никогда настраивать не буду.

– Ты же до сих пор любишь меня, – поменял Сережа тактику, бросив несчастный букет мне на стол, да так, что лепестки полетели в разные стороны. – Признай уже!

Может, стукнуть его, тогда поймет, что поезд ушел?!

– Сереж, – я поднялась со стула, и приготовилась его культурно, или как получится, послать, и увидела нового директора, который не торопясь вошел в приемную.

И явно слышал последние слова моего бывшего мужа. Ох, ну что за невезение?!

Бывший оценил мое выражение лица, явно транслирующее, что я всерьез готова убивать, и пробормотал:

– Ну я это, пойду, наверное, да?

– Иди.

– Я потом как-нибудь еще зайду...

– Сереж, – я подняла букет, и протянула бывшему: – цветы Вере подари, ты кабинетом ошибся. Сюда не приходи больше.

Он кивнул, и смылся. А я в который раз удивилась про себя, что когда-то повелась на этого мужчину. Он не злой, и не такой уж плохой. Просто слабый, и немного трусливый. Наверное, я и не любила-то его никогда, иначе бы я хоть немно-

го была расстроена из-за его измены.

Год назад я лишь облегчение испытала, что вот он, повод послать благоверного куда подальше.

– Поклонники одолевают, Осипова? – приподнял бровь Никита Борисович.

– Одолевают, да. Вы его спугнули, за что большое вам спасибо!

– Зайди ко мне в кабинет, – бросил мужчина, и открыл дверь.

Я встала из-за рабочего стола, мысленно твердя про себя мантру, что этого конкретного мужчину, который зачем-то точит на меня зуб, посылать нельзя. Может, если я буду вести себя с ним также, как с его отцом, то мы поладим?!

Итак, Надя, женская мягкость – это один.

Исполнительность – это два.

Чувство собственного достоинства – это три.

Ну а если Никита-золотой мальчик будет уж сильно доставать, тогда можно отвести душу, и уволиться.

Решено!

– Садись, – мужчина вальяжно кивнул мне на стул, а сам опустился в директорское кресло.

Эх, Борис Ефимович, ну зачем вы меня бросили?!

– У вас будут указания? – я чинно опустилась на стул, и вежливо улыбнулась Никите Борисовичу, вспомнив детскую песенку, которую Лизе пою, что от улыбки станет всем светлей.

– Скорее приказ, Надежда. Никаких шашней на работе!

– Сергей работает не в нашей компании. Он на три этажа ниже сидит, – пояснила я. – И к тому же он...

– Живет с вашей коллегой, – перебил меня директор. – С Верой Арсентьевой. Я в курсе. Мне не нужны склоки в коллективе, а жалобы на вас поступали. Личные дела решайте за пределами компании. И, желательно, чтобы эти личные дела были не с мужчинами ваших коллег.

Ух, прелесть какая. Меня еще и блудницей окрестили!

Так, Надя, спокойно. Помни, мягкость и деликатность – наше все!

– Раз вы в курсе, что Сережа живет с Верой, которая, я уверена, вам и пожаловалась, вы должны быть и в курсе того, что он – мой бывший муж. И вы видели, что я не поощряла его, – терпеливо пояснила я. – Насчет романов на работе можете не переживать – их не будет. Вы изучали мое личное дело? Загляните в него, и вы увидите, что взысканий не было, только поощрения и благодарности. А Веру не слушайте, не любит она меня.

Я ожидала дополнительных вопросов, но Никита меня удивил.

Очень удивил.

Так сильно, что я чуть было не решила, что у меня слуховые галлюцинации.

– Чем ты моего отца взяла? – задумчиво пробормотал он, разглядывая меня. – Я сначала думал, что ты – его любовни-

ца. Стандартно: директор и секретарша, но нет, ошибся. Я ведь ошибся?

– Д-да, – с ужасом выдохнула я, не в силах представить себя и Бориса Ефимовича. Ужас какой! – Он очень любит вашу маму.

– А если бы любил меньше, ты была бы не против?

– Вы за кого меня принимаете? – возмутилась я, позабыв про то, что мне нужны деньги, и про то, что хотела наладить отношения с этим хамом. – Знаете, мне это надоело!

– Что именно?

– Вы мне тыкаете! – взорвалась я. – Это во-первых. Оскорбляете – это во-вторых. Подозреваете во всяких гадостях – это в-третьих! А еще...

– Поменьше патетики, – прищелкнул Никита Борисович пальцами, явно забавляясь надо мной.

– Вы недостойны управлять этой компанией, зря Борис Ефимович вам ее доверил. Всяким глупостям сплетницы Веры вы доверяете больше, чем собственным глазам и мнению вашего отца, а это о многом говорит! – не собиралась я молчать. – И знаете что?

– Что? – с интересом спросил Никита Борисович.

– Я увольняюсь. Сама. Терпеть я это не намерена. Надеюсь, обойдемся без отработки! Я могу идти?

Глава 3

НИКИТА

– Можете идти. Заявление только напишите.

Надя вышла, хлопнув дверью, и через пару минут принесла лист формата А4, на котором было не написано, а размашисто и зло выгравировано заявление об увольнении по собственному желанию.

Наверное, будь воля этой девицы, она бы дописала еще и: «Будь ты проклят!»

– Я это сделал! – выдохнул я, когда девушка ушла.

Диплом я получил давненько, но помню еще, чему нас учили в универе: если подчиненные пакостят, лентяйничают и занимаются интригами, а не работой – компания развалится.

Потому уход Нади – лучшее, с чего я мог начать руководство компанией. Я еще знаком-то с ней не был, а уже раздражала. Мать все уши прожужжала о наглой секретарше, которую отец отказывается выгонять. Она, а затем и я подозревали банальное – служебный роман.

Невероятно злили отцовские оды «незаменимой Наденьке», которая и умница, и красавица, и просто луч света в темном царстве логистики.

Ну ее!

– Отцу, как перед отъездом придет с коллективом прощаться, скажу, что заболела его радость. А через год он и думать о ней забудет, – уверенно произнес я вслух. – И о сумасшедшей идее о свадьбе.

Работал же два месяца без постоянной секретарши. Да, отец помогал, и стажерки вроде справлялись.

– Разместите вакансию на должность секретаря, – набрал я отдел персонала. – Завтра Надежда придет за документами и расчетом, вакансия свободна.

– Как скажете, – испуганно проблеяли мне в ответ.

Где-то минут пятнадцать все было спокойно – и в работе, и на душе. А потом началось. Вернее, начались.

Звонки, будь они прокляты! Телефон в приемной буквально разрывался, и сначала я бегал из кабинета и обратно, а затем плюнул, и сел за секретарский стол.

– А почему не Надя отвечает? Она вчера написала, что должна выйти с больничного, я потому и звоню, – возмутился начальник отдела логистики «НижТЭКЭнерго» – наш постоянный клиент, заказывающий перевозки.

– Я за нее! – процедил. – Надежда здесь больше не работает. Какой у вас вопрос? Я – руководитель компании, и уверен, что справлюсь лучше, чем секретарь.

– Я знаю, что Надя, когда на больничном была, заказала новогодние подарки. Логистам, начальникам отдела, и директорам. Запишите, пожалуйста, что директорский нужно дарить не до праздников, а после пятнадцатого. Михайлов

на север уехал, его заменяет Ястрежембский, потому нужен один дополнительный подарок, как для начальника отдела. Нечего временному дарить дорогушие шахматы, а то звезду поймает.

Я записал эту информацию. А затем добавил еще одну запись про ассоциацию перевозчиков, которая сделала китайские разрешения для водителей. И от бюро переводов, занимавшихся переводом приложений к правам. Даже с уборщицей поговорил насчет нового графика.

И все, ВСЕ начинали разговор со слов: «Здравствуй, Надюша!»

– И когда эта чертова Надюша все успела? – прорычал я, потирая пульсирующие виски. – Дома же сидела!

Но каким-то образом согласовала и заказала подарки, упаковочную бумагу, связалась с ассоциацией перевозчиков, переслала отделу международной логистики и бухгалтерии изменения в правилах перевозок. А еще занялась правами наших водителей, визами, и еще Бог знает чем.

– Вы правда Надю уволили? – в приемную заглянул Вячеслав, занимающийся декларациями.

Я чуть не зарычал.

– Какой вопрос?

– Доступ к программе заканчивается, оплатить нужно. И девчонки из кадров просили передать, что счет на оплату Хэдхантера отправили. В бухгалтерии 1с тупит, ругаются что айтишника так и не наняли на постоянку, а удаленщика толь-

ко Надя может заставить начать нормально работать, а не как обычно, – выдал сотрудник. – Мне бы тоже помощника. Может, Хэдхантер оплатите, и не секретаря, а декларанта искать будете? Я не вывожу один, мне итак с третьего января придется работать, а у меня жена и ребенок! И... может, Надю вернете?

– На почту напиши все, что только что сказал, – рыкнул я, чуть не чокнувшись от обилия информации, которая вылилась на меня за три часа.

– Хорошо, и вы это, привыкайте, – прогудел обнаглевший подчиненный. – Надя из дома всеми делами занималась. Как ногу сломала, всем скинула свой номер, и работала удаленно.

– Зачем?

– Так знала, что стажерка-студентка не справится. Она только звонки и переводила по отделам, дуреха. А если бы Надя на работу забила, то вернулась бы в разгар апокалипсиса, – ответил Вячеслав и вышел из приемной: – Я вам на почту все скину, по пунктам распишу.

Телефон снова зазвонил, и я понял, что еще пять минут такой работы – и я его в окно вышвырну.

– Ксения, – я вышел из приемной, – замените сегодня моего секретаря?

– Простите, но у меня много расчетов по перевозкам. Клиенты ждут.

Клиенты ждали всех. Абсолютно все сказали, что они, ко-

нечно, могут посидеть на месте секретаря, но тогда их работу выполнять будет некому, потому что скоро Новый Год, и все клиенты как с цепи сорвались. Сотрудники вежливо кивали, вот только смотрели так, будто я убил всех их любимых бабушек.

И только Вера улыбалась, и даже предложила приготовить мне кофе. От которого я отказался, сам не знаю почему.

Вот черт, еще один такой день я не выдержу. Это какой-то кошмар!

– Дайте адрес Надежды, – за пять минут до окончания рабочего дня я зашел в отдел кадров, где мне, как врагу народа, вручили и телефон, и адрес уволенной секретарши.

– Всем хорошего вечера. До завтра, – громко попрощался я, но в ответ получил лишь кивки.

Некоторые сотрудники работают до восьми, а некоторые и до десяти ночи. Да и я сам эти месяцы задерживался, а сегодня тем более нужно было заняться своей, а не только секретарской работой.

Но сейчас у меня есть дело поважнее.

Я купил букет цветов, самый роскошный, который был в магазине, добрался до дома Нади и, выдохнув, и досчитав до трех, позвонил в звонок.

Сначала я услышал девичий смех – звонкий, и второй как колокольчик. Затем дверь открылась, и меня чуть не сшибло с ног ароматом выпечки. И лишь потом я увидел Надю, которая стояла, оперев руки в бока, и грозно смотрела на меня.

– Никита Борисович? – подняла она бровь.

Я по глазам прочитал, что через секунду перед моим носом захлопнут дверь, если я не скажу хоть что-нибудь вместо того, чтобы стоять, и наслаждаться этим убийственно-прекрасным ароматом.

– Добрый вечер, – колокольчиком прозвенело позади Нади, и я обратил внимание на маленькую девочку, стоящую позади Нади, и удивительно на нее похожую.

Те же темные кудри, отдающие красным в свете электричества. И пара веснушек на скулах. И глаза. И на обеих фартуки с изображением знаменитой картины Мунка «Крик».

– Добрый вечер, – вздохнул я, пытаюсь сообразить, как заставить Надю вернуться, но при этом не вставать на колени, унижаясь и моля о прощении. – Надь, могу я войти? Нам нужно поговорить.

– Разве НАМ нужно разговаривать?

Вот вредная женщина! И за что ее отец любит?

– Хорошо. МНЕ нужно с тобой поговорить. Пустишь? Это тебе, – я почти силком заставил Надю принять букет, из-за которого чувствовал себя идиотом.

– Хм, – подняла она бровь, не торопясь впускать меня.

– Мамочка, мы же только плохих дядь не пускаем. Этот плохой? – мини-кудряшка дернула Надю за фартук. – Вы кто?

– Никита, – представился я.

– А я Лизавета, – малышка подарила мне улыбку.

– Проходите, Никита Борисович, – Надя подтолкнула ребенка, и девочка побежала на кухню. – Разувайтесь, закройте дверь, и проходите на кухню.

– Нам бы наедине поговорить.

– На кухню! – повторила Надя, и пошла следом за девочкой.

Повернул защелку, и скинул обувь. Вроде бы с лестницы не спустила, и это хорошо. Но не особо обрадовалась, и это уже плохо. Хотя букет же приняла! И это уже хорошо. Хм, но я всучил его силой, да и девочка на цветы поглядывала... так, ладно, сейчас войду и скажу, чтобы возвращалась!

На кухню я вошел, и застал Надю за расчленением подаренного мной букета.

– Могла бы сказать, что цветы не понравились, – возмутился я. – Демонстрировать не обязательно.

– Их подрезать надо, так дольше простоят, – Надя посмотрела на меня, как... хм, на моего брата Лёху так иногда жена смотрит, когда тот утомляет ее своими шуточками. – Итак, я вас слушаю.

– Мы не с того начали, – с намеком произнес я, наблюдая, как маленькая девочка залезла на стул, взяла миску, и начала там что-то деловито размешивать.

– Зато правильно закончили, – Надя явно не хотела мне помогать, набрала в вазу воду, и начала опускать в нее розы.

– Я погорячился, признаю. Поступил опрометчиво, попросив тебя написать заявление.

– Вы были абсолютно правы, Никита Борисович, – Надя подарила мне улыбку, подошла к девочке, и сказала: – Лиз, щепотку соли добавь.

– Щепотка – это сколько?

– Тремя пальчиками возьми соль... вот, молодец, это и есть щепотка. А теперь продолжай мешать крем. Только мисочку руками придерживай... да, вот так, умничка моя, – она чмокнула девочку в макушку, и та тихо рассмеялась, ластясь к матери.

Кажется, я здесь лишний. Распинаюсь как дурак, а в ответ игнор.

Да любой бы так поступил! Наверное...

Надо с другого бока зайти, точно!

– Надя, я понял, что жестоко лишать человека работы перед праздниками. А у тебя ребенок к тому же, – я кивнул на девочку. – Завтра можешь возвращаться на рабочее место.

– Хм, – Надя заглянула в духовку, выпуская еще одну порцию крышесносного аромата, от которого у меня позорно заурчало в животе. – Вы очень добры, Никита Борисович. И сострадательны.

Повелась! Да я Матерью Терезой буду, только вернись на работу, женщина!

И угости меня тем, что готовится в плите.

– Стараюсь поступать правильно, – кивнул я.

– Теперь я тоже! И знаете, мне совестно стало. Я так ужасно поступала все то время, которое работала на вашего от-

ца, – девушка поджала губы, и скорбно вздохнула. – Вы мне глаза раскрыли, я была жуткой лентяйкой. Зарплату получала просто так, за имитацию бурной деятельности. Нет, я не достойна вашей доброты.

– Я погорячился, – процедил я, подозревая, что кое-кто здесь ломает комедию. – Не до конца разобрался в ситуации, и слова про лень беру назад.

– Нет же! Вы были абсолютно правы, я жуткая лентяйка. Вот даже смотрите, дочка у меня готовит, а я только рядом хожу, – Надя кивнула на Лизу, которая и правда увлеченно мешала что-то густое в миске. – Днем на работе я только и делала, что... хм, а что я делала? Мишуру развешивала, да романчики читала. Еле заставляла себя в офис явиться. Зато теперь я полностью свободна, и могу все время ерундой заниматься. Да и мужиков у нас на работе маловато, коллектив в основном женский, мне не подходит. Ну, вы меня знаете.

Девушка подарила мне ехидную улыбку.

Да как она позволяет себе со мной разговаривать?! Ну сейчас я ей задам, нашлась цаца. Сейчас я... так, стоп, нужно вернуть Надю а не орать на нее. Так что придется засунуть гордость в задницу – туда, куда эту нахалку хочется послать.

– Надя, я признаю, что ты хороший сотрудник. Беру ВСЕ свои слова назад. Все! Готов обсудить финансовую компенсацию. Например, десять процентов к зарплате и повышенную премию к Новому Году. Это выгодно и тебе, и мне, – старался я говорить вежливо, и подкупающе-дружелюбно. –

Мы оба взрослые люди, и понимаем, что бывают спорные ситуации. В такую мы и попали. Мне нужен сотрудник, а тебе нужно ребенка содержать. Может, ты вернешься?

– К вам? Ни за что! – фыркнула вредная Надя, достала из духовки противень, кивнула Лизе, которая начала обмазывать булочки кремом. – Подработка у меня есть, булочки, пирожки, торты, печенье и конфеты я делаю, и делаю неплохо. А завтра я иду на собеседование туда, где мне не будут тыкать, и приписывать мне смертные грехи. Но, – девушка подмигнула мне, – я в вас верю, Никита Борисович! Уверена, вы быстро найдете мне замену, а до того времени и сами справитесь. Такой высококлассный специалист как вы...

– Надя, – прорычал я, – я оценил твой сарказм. Я предложил тебе неплохую компенсацию за наш конфликт.

– Но извинений вы мне так и не принесли. И продолжаете мне тыкать! – пожала плечиком распоясавшаяся секретарша. К сожалению, бывшая секретарша.

Кстати, странно, чего это я ее на «ты» называю?! Я почти ко всем на «вы» обращаюсь, а эту девушку не могу. И не потому что не уважаю... странно.

– Если я извинюсь, то ты... вы вернетесь?

– Я подумаю, – царственно кивнула она мне, чем взбесила окончательно.

– Мне тут на колени встать? Погорячился, с кем не бывает. Предложил деньги. Могу на пятнадцать процентов зарплату поднять. Могу даже извиниться, а ты... ВЫ подумаете?

– Дяденька, не рычите, съешьте булочку лучше, – Лиза прыгнула со стульчика, подбежала ко мне, и протянула сладкую, которую я не смог не принять, чтобы ребенка не обидеть.

Но и есть не собирался!

– Я всего лишь думала, что вы умеете признавать ошибки, и искренне просить за них прощения. Но раз извинений я не дождусь, думаю, вам пора. За букет спасибо, завтра заскочу за документами и расчетом.

– Через неделю, не раньше.

– Почему?

– Потому что я так сказал!

Потому что за неделю я тебя верну, Надя. Или даже раньше.

– Как скажете, – девушка поманила меня к выходу, и чуть ли не силком вытолкнула за дверь.

– Ты насчет собеседования говорила. И к кому же ты хочешь устроиться?

– Есть люди, которые меня весьма ценят. Давно предлагали поменять работу, но я только из-за Бориса Ефимовича оставалась, не хотела его бросать, – мило улыбнулась мне Надя. – Всего доброго!

И она захлопнула перед моим носом дверь.

Я посмотрел на горячую булочку, зажатую у меня в пальцах, и хотел уже выбросить ее, но не смог. Откусил, и рот наполнила сладость, но не приторная, а... не знаю, что-то

из детства, полузабытое, но навевающее воспоминания о последнем лете, которое я у бабушки в деревне провел.

Булочку я доел, и даже пальцы облизал от крема, плюнув на негигиеничность этого поступка. Всего одна булочка! Ли-за воспитанная, хоть одну дала, а Надя... могла бы и с собой завернуть как компенсацию за то, что вышвырнула меня за порог.

Нахалка!

– К нашим клиентам собралась устраиваться, – я усмехнулся, сев за руль, а затем широко улыбнулся. – А вот фиг тебе, Наденька.

Посмотрим, кого выберут наши фирмы-клиенты и партнеры: Надю или проблемы, которые я им могу организовать.

Глава 4

Неделя прошла полная приключений.

Меня давно приглашали сменить работу. Клиенты тонко, а иногда не очень тонко намекали, что с радостью будут ждать меня у себя, вакансия всегда открыта. И отнюдь не всегда секретарская. И вот, отказ за отказом, и все с виноватыми лицами.

– Прости, Надя, надеюсь, ты понимаешь.

Эту фразу я слышала буквально от всех. Сначала я не понимала, а затем... затем мне захотелось кое-кому рога пообломать. Нет, ну каков мерзавец, мстительный засранец – и этого человека вырастил Борис Ефимович?!

Может, Никита от соседа? Это бы все объясняло.

На клиентов я не злилась, понимала их трудности, хотя чего скрывать, было обидно. Ждали меня многие, но в итоге все состроили виноватые лица, и отказали.

– Мамочка, почему ты грустная? – спросила Лиза, которую я усадила в приемной. – Новый Год ведь скоро!

– Я не грустная, а задумчивая, – подмигнула дочке. – Сиди здесь, я скоро. С дивана не вставай, ко взрослым не приставай, если кто-то позовет с собой – не иди, и беги ко мне, я за стеклом.

Указала на кабинет за стеклянной стенкой, в котором мне

назначили собеседование. И это не клиент Бориса Ефимовича. Утром я отчаялась, и выложила резюме, хотя не верила, что кто-то пригласит меня на собеседование. Неделя до праздника осталась, кому вообще секретарша нужна?!

Оказалось, что нужна. В том же бизнес-центре, где я работала много лет, всего парой этажей выше.

– Вас ожидают, – пожилая секретарша улыбнулась мне, и указала на кабинет. – За девочкой я присмотрю.

– Спасибо.

С каждым шагом до кабинета я волновалась все сильнее, и сильнее. Эта неделя поубавила мне нервов, но звонки от Никиты Борисовича я продолжала сбрасывать, а затем вообще внесла его в черный список. Гад такой! Пришел, булочку съел, гадостей наговорил и был таков. От мужиков вообще хоть что-то хорошее бывает?! Банальные извинения, например?!

Ну вот неужели сложно сказать: «Я совершил ошибку, в которой раскаиваюсь. Прости меня!»?

– Добрый день, Андрей Павлович, я на собеседование, – произнесла я, войдя в кабинет директора аутсорсинговой компании. – Меня зовут...

– Надежда Осипова. Помню, изучил ваше резюме. Присаживайтесь. Может, чай, кофе? – передо мной сидел молодой, лет тридцати-тридцати пяти светловолосый мужчина. Полные губы трогала легкая улыбка, в глазах лучилась доброжелательность. Симпатичный.

И он мне не тыкал, Боже, какое счастье. И такой контраст!

– Спасибо, но я откажусь.

– Вижу, вы не одна, – кивнул он в сторону приемной, где на диване сидела Лизавета, и болтала ногами. – Не буду отнимать наше общее время, Надежда. Вас я помню, вы сопровождали старика-Дорофеева на форум, а за фуршетом Борис Ефимович всем нам уши прожужжал о том, какая вы замечательная.

– Правда? – смутилась я. – Это несколько странно.

На форумы и выставки я частенько с Борисом Николаевичем ездила. Но ни разу не слышала, чтобы он меня расхваливал. Все же, я секретарша, а не топ-менеджер.

– Хм, не хочу вас оскорбить, но объясню, – Андрей Павлович немного смутился. – Когда мужчина появляется в компании молодой, красивой девушки, и эта девушка ему не жена, сразу возникают подозрения. Некоторые молчат, а некоторые шутят в мужской компании. Вот Дорофеев и кидался на вашу защиту, что вы... ну вы поняли.

– Что я не эскортница, и не любовница, – вздохнула я.

– Именно, – кивнул он. – И самую полную и впечатляющую характеристику на вас я уже получил. Именно на том форуме. Давайте я расскажу про обязанности, обсудим финансовый вопрос, и если вас все устроит, то я по традиции дам вам сутки на то, чтобы обдумать решение. Не люблю, когда кандидаты сгоряча соглашаются, а затем понимают, что зря. Работы у нас много. Итак...

Я слушала Андрея Павловича, и понимала, что соглашусь на эту вакансию. Зарплата выше, чем у меня была. Обещают, что переработок не будет, а для меня из-за Лизы это важно. Обязанностей много, как и на прошлой работе, но я привыкла быть не просто секретарем, а чуть ли не заместителем директора.

– Вижу, вас все устраивает?

– Устраивает.

– Завтра в районе одиннадцати я буду ждать вашего звонка. Обдумайте все как следует, сравните с другими предложениями, и... я вас жду, – улыбнулся Андрей Павлович.

Я поднялась со стула, мужчина тоже, демонстрируя вежливость, по которой я успела соскучиться.

Точно соглашусь! Я бы и сейчас выпалила: «Я согласна!», но раз уж здесь такие традиции... не самые плохие, надо сказать, придется выждать день. На свою первую работу я именно что сгоряча и устроилась, а затем чуть с ума не сошла, когда узнала, что я не девушек-хостес на работу в Китай искала, а кое-кого другого.

Вышла из приемной и, как обычно, умилилась своей красавице-дочери: сидит, рисует, прикусив кончик языка. При села перед Лизой, та подняла на меня голову, потянулась, и чмокнула в щеку.

– Ты улыбаешься!

– Кажется, я нашла работу.

– Ну вот, – надулась дочка, – все же хорошо было. Хочу,

чтобы ты дома была!

– Лиз, я же объясняла, – вздохнула я, помогла дочке спрыгнуть с дивана, попрощалась со всеми, и мы вышли из офиса. – Взрослым приходится работать, чтобы были деньги.

– Да я знаю. Но обидно, – пробурчала дочка, и мы вошли в лифт.

– Зайдем-ка в мой старый офис, – сменила я тему, и Лиза радостно закивала – она любила бывать у меня на работе, и Борис Ефимович разрешал мне иногда приводить дочку

Помнится, мне задолжали документы и расчет. И пусть только попробуют не дать. Я, конечно, мягкая, но когда надо умею свое отстоять!

В нашу компанию я вошла в воинственном настроении, которое тут же испарилось из-за кинувшихся ко мне бывших коллег.

– О, Надя!

– Надя пришла!

– Лизок, ты выросла, принцесса.

Всюду слышались приветствия, нас окружили мои бывших коллеги. Из рабочих чатов я вышла сразу, чтобы душу не травить, а во флудилке попросила не обсуждать тему моего ухода, и все поняли, что лучше не приставать ко мне – болезненно это.

– Ты за расчетом? – шепнула Василиса из бухгалтерии. – Наш красавчик сказал, что когда ты придешь, чтобы сразу к нему шла. Вернее, не сказал, а прорычал. Документы твои у

него в сейфе.

– И как здесь? – я оглянулась, и заметила, что почти все сотрудники в мыле, как загнанные лошади. Перед Новым Годом обычное дело, особенно у логистов-международников.

– Жуть, – Ксюша приобняла меня, и повела к приемной. – Наш красавчик – пятый всадник Апокалипсиса, чесслово! Таким милашкой казался, а на самом деле демон. Иди к нему, и... возвращайся, Надь!

– Ну Ксю! – нахмурилась я.

– Прости, устраниюсь, – подруга выставила руки в защитном жесте. – Как закончишь с ним, заходи, поболтаем хоть!

Угу, поболтаем. Заодно не помешает высказать своим любимым коллегам за то, что два месяца от меня скрывали, что у нас руководство меняется с нормального на невоспитанное.

– Мы к дедушке Боре? – пролепетала Лиза. – Надо было конфеты взять. Мам, ну вот что мы так!

– Мы не к дедушке Боре, мы...

– Вот козел! – услышала я шипение из приемной, и увидела, что за моим столом сидит... ой, надо же, Верочка!

– Привет, – улыбнулась я. – А ты почему здесь?

– Потому что побольше тебя достойна! – рявкнула она. – И не помню, чтобы тебе назначали встречу. Никита Борисович занят!

Я окинула Веру внимательным взглядом, и поняла про себя, что доброты мне не хватает. Измотанная, поникшая, того

и гляди нервный тик начнется – вот, как Вера выглядела. На столе кавардак, все бумаги валяются, а не разложены в столе и в шкафу. В углу, где разложены подарки для клиентов, бумага и ленты, вообще тихий ужас. Вот только я не сочувствовала ни капельки.

– Нормально дела не смогла передать, – прошипела Вера. – Из-за тебя все! Позлорадствовать пришла?

– Уволиться пришла окончательно. Скажи Никите Борисовичу.

– Нет! Занят он!

Вот вредная. С первого класса такой была.

Мы могли бы спорить до бесконечности, но Лиза решила все за нас обеих. Позабыв про то, что я сказала, что мы не к Борису Ефимовичу, она открыла дверь в директорский кабинет, и пролепетала:

– Деда Боря, мы с мамой к вам... ой!

– Привет, Лизавета, – услышала я низкий, полный предвкушения, от которого у меня внутри все перевернулось, голос. – Позови, пожалуйста, свою маму. И заходи сама, в приемной я тебя не оставляю. Некоторым не то что ребенка, канцелярию нельзя доверить!

Вера сжала кулаки, а я чуть не рассмеялась. Никита Борисович та еще изысканная сволочь, но хоть не мне одной этот подарочек достался. Я подмигнула Вере, и вошла в кабинет, а затем прикрыла дверь.

– Здравствуйте, я за расчетом, – сказала я, и удивилась –

куда делся красавчик, которого я запомнила?

За директорским столом сидел помятый, измотанный мужчина, который явно не спал несколько дней. И в глазах его непрозрачный, тяжеловесный упрек, адресованный мне.

Лиза оббежала директорский стол, и подпрыгнула, заглядывая чем таким интересным занят Никита свет-Борисович.

Подозреваю, что ничем интересным. И вряд ли чем-то полезным.

– Лиза, – я покачала головой, намекая, что недовольна ее любопытством, которое Борис Ефимович поощрял, а от этого хама я ничего хорошего не жду.

– Вот. Дяденька, – дочка подергала Никиту, отвлекая его с меня на себя. – Нате!

Теперь уже я сама подошла к столу, и с любопытством посмотрела, что такое пытается вручить Никите моя Лиза.

Ну разумеется! Лиза в своем репертуаре. На ее ладошке лежала слегка помятая из-за того, что подтаяла, конфета в серебристой фольге.

– Спасибо, зайчонок, – Никита произнес это неожиданно тепло, хоть и устало. Взял конфету, а затем поправил моей малышке локон, заправив его за ухо.

– В следующий раз побольше принесем, – серьезно пообещала дочка. – А где деда Боря?

– Лиз, я тебе говорила. Он здесь больше не работает. Иди сюда, – я поманила дочку, и через пару секунд усадила на небольшой диван, с одной стороны заваленный документа-

ми. – Итак, – я подошла, села напротив Никиты, – я за расчетом и документами.

– Возвращайся. Хватит уже, не найдешь ты работу, – он потер глаза, и мне на секунду стало жаль этого бестолкового мужчину – это ж надо за такой короткий срок так себя угробить?!

А затем мое сочувствие улетучилось. Вспомнила предыдущие дни, в которые бегала с собеседования на собеседование, и чувствовала себя неудачницей. Пока не поняла в чем дело.

– Вы даже не скрываете, что приложили к этому руку?

– Не скрываю, – нагло заявил Никита, развернул конфету, и отправил себе в рот.

Зажмурился аж от удовольствия, вы посмотрите на него!

– И не стыдно вам?

– Ни капельки, не стыдно. Ты мне самому нужна. Возвращайся уже, иначе меня за убийство посадят, – он кивнул на дверь. – За убийство временной секретарши. Я уже близок к тому, чтобы взять грех на душу. А виновата ты будешь.

– Я, если посмотреть, вообще во всем у вас виновата! – искренне возмутилась я.

– Так и есть, – Никита хмыкнул. – Французы говорят: «Шерше ля фам». В любых происшествиях так или иначе виноваты женщины. Очень жизненно.

– Очень несправедливо. Совести нет ни у вас, ни у французов, – я не знала, смеяться мне или злиться.

Организовал мне волчий билет, и даже не скрывает. Я в шоке от этого мужчины!

– Совести у меня нет, Надя. И нормальной секретарши тоже. Вернись, пожалуйста, не могу я больше, – взмолился он. – Проси, что хочешь, на все готов!

Так искренне прозвучало, что я ступевалась. Мужчина старше меня, а ведет себя... ну как мальчишка он себя ведет! Это же они обычно набедокурят, и не со зла, а потому что иначе не могут. Может, я тоже погорячилась?

– К тому же, работу ты не нашла, – закончил Никита с улыбкой.

И, как часто делают мужчины, все испортил одной фразой.

– Нашла. Завтра выхожу, – процедила я. – Отличная работа, вежливое начальство, достойный оклад. Пару дней постажируюсь, а после новогодних праздников устроюсь. Так-то!

– Вранье! – нахмурился Никита.

– Плохо старались. Надо было рассылку сделать по всем компаниям, в дабл гисе списочек взять, и даже по пивнушкам разослать, что нельзя меня на работу брать. Эх вы, Никита Борисович! – не удержалась я от подначки. – Так что давайте уже разойдемся.

– Надя...

Никита сузил глаза, резко поднялся с кресла, и навис надо мной.

И дверь открылась.

– Деда Боря! – завопила Лиза, и я услышала топот.

– Иди ко мне, красавица. Ух, подросла. Скоро совсем большая будешь. Надюша, – я обернулась, и увидела Бориса Ефимовича, на котором повисла моя Лиза, – а я попрощаться заскочил, вечером уезжаем. А вы тут чем занимаетесь? – бывший шеф хитро оглядел нас с Никитой, а затем нахмурился. – Почему Вера в приемной? И почему здесь такой бардак?

– Папа...

– Уволилась я, – вздохнув, призналась. – Вот, пришла за документами.

– Ну-ка, принцесса, – Борис Николаевич усадил Лизу на диван, – дай нам пять минут, а потом я тебе подарок отдам лично. Не дуйся, – он ущипнул дочку за нос, а затем поманил меня: – Надя, пойдём-ка в приемную. А ты за ребенком присмотри, сынок, – кивнул он Никите, которого окинул недобрым взглядом.

Ох, ну вот почему я чувствую себя виноватой? Плетусь за Борисом Ефимовичем, и чувствую себя школьницей, с которой воспитательную беседу будут проводить.

– Вера, будь добра, погуляй минут десять. Иди! – приказал Борис Ефимович Верочке.

Та стрельнула в меня дулами-глазами, но спорить не стала – вышла.

– Уволил?

– Сама ушла, – я отвела взгляд. – Вы на пенсию, нечего мне здесь больше делать. Это было мое решение.

Борис Николаевич сел на край моего бывшего стола, и понимающе усмехнулся:

– Никита не подарок у меня. Что, успел нервы тебе вытрепать? – я слабо кивнула, но ответа от меня и не ждали. – Он не хотел компанией руководить, логистика для него – скука смертная. Мать умоляла мое место занять, да сын и сам видит, что мне уже тяжело. Наденька, – Борис Ефимович умоляюще посмотрел на меня, – может, останешься? Хоть на время, на пару месяцев бы. Я Никите помогал, дела передал, но один он работать не готов. Характер у сына так себе. Побудь с ним хоть пару месяцев.

Камень на совести стал весить еще больше. Ну зачем вы так, Борис Ефимович?! Вас я люблю, а сын у вас – тот еще гад. Даже просит остаться так нагло!

– Я работу нашла уже, – опустила я глаза на сцепленные в замок ладони. – Завтра выхожу. Не обижайтесь на меня!

Борис Ефимович погладил меня по щеке, открыл дверь в кабинет, и пропустил меня внутрь. Хулиганка Лиза уже забралась к Никите на колени, и что-то увлеченно ему рассказывала, путая окончания слов.

– Лиза, идем, я же тебе подарок обещал, – Борис Ефимович позвал мою малышку, та захлопала в ладони, спрыгнула с коленей Никиты, и подбежала к моему старому шефу.

– Что за подарок? – весело спросила она.

– Идем, – шеф подтолкнул Лизу к выходу, обернулся к нам, и произнес: – Никита, верни Надю. Что хочешь предлагай, желательно руку и сердце, но пока вы нормально не поговорите, я вас не выпущу. Все праздники взаперти будете сидеть!

Борис Ефимович захлопнул дверь, раздалось четыре щелчка.

Нас заперли!

– Руку и сердце, – растерянно повторила я слова шефа.

– Я и на это уже готов, – мрачно произнес Никита.

Он говорил, что готов убить Верочку?

А вот я готова убить его самого за все эти фразочки!

– Откройте! – забарабанила в дверь. – Борис Ефимович, откройте немедленно!

– Не откроет, – флегматично произнес Никита, и был прав.

Не открыл.

– Миритесь! Мне скандалы не нужны. А мы с Лизанькой пойдем какао пить, да, принцесса?

– Да, – услышала я звонкий голосок дочурки. – Мам, мы тебе тоже принесем. И дяде Киту тоже принесем!

Что отец, что сын – совести у обоих нет! А я еще Бориса Ефимовича покрывала!

– У вас должен быть ключ от двери. Может, откроете? – сузила я глаза, стараясь оставаться в рамках истлевающей вежливости. – Или, может, выломаете дверь?

– Зачем? У меня работы до фига, Надя, – с ядовитой улыбкой произнес Никита. – Некогда мне ключ искать. А двери ломать в своей компании я не собираюсь, нужно учиться быть хозяйственным. Ты куда-то спешишь?

Он специально меня доводит, нужно помнить об этом. Помнить, и не поддаваться. Вот правильно я про Никиту подумала – изысканная сволочь.

– Не спешу, – мило улыбнулась я. – Вы говорили о браке, или я ослышалась?

– Не ослышалась. Все, что хочешь, только вернись! – заявил Никита, перестав строить из себя надменного мерзавца.

– Всю жизнь о таком предложении мечтала.

– Соглашайся, – подмигнул мужчина.

Нет, он точно издевается! Только мужчины могут легко бросаться подобными предложениями... а потом легко брать слова обратно.

А не наказать ли мне его, хм?!

– А если я соглашусь? Вот возьму, и поймаю вас на слове, и объявлю всем вокруг, что я – ваша невеста?

– Я абсолютно серьезен. Надь, правда, готов на все, – Никита либо от недосыпа слегка сошел с ума, либо употребил отцовский коньячок – иначе я объяснить это не могу. – Отец не зря тебя мне сватал. Это его высказывание не первое. Я, конечно, не так планировал жениться... да я вообще не особо планировал, но если ты захочешь, то...

– То мы поженимся, и я сяду дома, – ласково улыбнулась

я. – Муж бизнесмен, с чего вдруг жена будет секретарем работать? О репутации нужно заботиться.

– А я тебя замом сделаю. Или еще кем.

– А я не захочу. Дома буду сидеть, монограммы вышивать, рубашки, а вы работайте на здоровье, – подмигнула я. – Свадьба – мероприятие важное. Платье выбрать, список гостей составить, придумать тему... как вам Элвис и Присцилла? Или лучше Джон и Дейнерис? Хотя, Дейнерис из меня никакая, скорее Игритт.

– Ты о чем? – кажется, мне удалось пронять Никиту – нахмурился, смотрит на меня, как на чокнутую, чего я и доби-
валась.

– О нашей свадьбе, конечно!

– Так не пойдет, – покачал он головой.

– Вот именно! Не пойдет! Вы правда не понимаете, чего я хочу? – нахмурилась я.

Никита смотрел на меня больными глазами. Красивый мужик, но из-за усталости выглядит – краше в гроб кладут. И, видимо, из-за этой усталости и не понимает, о чем мы речь ведем.

Или потому что дурак. Наслышана я про похождения этого красавчика. То с моделями в клубе, то гонки в Монте-Карло, то вдруг открывает автомастерскую и сам машины ремонтирует. Человек-оркестр, блин.

Или оркестровая яма.

– Да ну вас, баб! – рыкнул он вдруг, и саданул по столу ку-

лаком. – Ну вспылел, да, облажался. Так пришел же, с венником этим, с предложением как возместить ущерб. Отец про свадьбу пел, а кто его надоумил? Точно не мать. Я и жениться готов, хотя это уже за гранью, но понимаю, что здесь с ума сойду. Мне войну объявили, приказы выполняют дословно и получается лажа, а не работа. Все вокруг обожают Наденьку – сотрудники, клиенты, родной отец. Так я жениться готов! Что еще-то?

– Искренние извинения за хамство, – холодно произнесла я. – Этого было бы вполне достаточно! Я не английская королева. Всякое бывает. И можно просто извиниться. Словами через рот. А жениться я вам на Верочке желаю!

Я встала, не желая оставаться здесь больше и минуты. Вот сейчас возьму, и сама эту дверь выбью, или хоть попытаюсь. Выбью я не дверь, а свое плечо, но лучше так, чем терпеть этого нахала. Его будто в лесу воспитывали.

– Ладно, – меня вдруг обхватили сильные руки, не дав дойти до двери. – Ладно, извини. У меня характер дерьмовый, это семейное. Я психанул, не хотел компанию возглавлять, но мать меня с ума свела рассказами, как папа себя гробит. А тут еще ты. Накосячил, Надь, но ты меня достаточно наказала.

– Я вас не наказывала.

– Разве? – Никита все еще держит меня за плечи, греет их своими большими ладонями. И устало шепчет: – Я не сразу решил клиентам запретить тебя брать. Вернее, подумал об

этом сразу, но передумал, хотел честно играть. Утром на работу пришел, а тут диверсия от коллектива. Твоих ведь рук дело? Они на меня волками смотрят, вроде работают, но результат ужасный. Вот я и ответил. Подговорила, признайся?

Ох, еще и в этом я виновата. Курс рубля, думаю, тоже из-за меня рухнул. Как и Советский Союз.

Ужасный я человек!

– Просто меня любят в коллективе. Никита Борисович, – у вас и правда дерьмовый характер. И извиняться вы не умеете совершенно! Но попытка засчитана, второго извинения я не переживу. Давайте так: завтра у меня начинается стажировка, и проходить она будет здесь. В какой компании – не скажу, не доверяю я вам. Но...

– Но?

Ох, ну я и слабачка. Мне бы фигу этому красавчику показать, но я просто не могу смотреть на то, во что превращается компания. Я, конечно, не управленец от Бога. Может, с другой компанией я бы вообще не справилась, но эту я досконально знаю. И люблю. А она за неделю накренилась, как Пизанская башня, и того и гляди рухнет.

– Я помогу вам наладить работу, – вдохнула я. – Вечерами. Я до пяти работаю, Лиза два дня у моей мамы будет. И я могу вам помочь.

– Обедаем вместе. Вечерами ты моя. И на праздники тоже, – нагло заявил Никита Борисович. – Не спеши спорить, родители уезжают, мне за их домом и дачей следить. Лизе

там понравится, ты сможешь мне с компанией, и, может, надумаешь вернуться. А я извинюсь как следует!

– Извинились уже, – мрачно ответила я. – Мне хватило!

– Словами я дерьмово извиняюсь, а вот делами – ты удивишься, – подмигнул мужчина, и дверь открылась.

– О, вижу вы помирились? – хитро произнес Борис Ефимович.

За его спиной стояла Лиза. Над губой у дочурки были потешные шоколадные усы, а в руках она держала два картонных стаканчика с какао.

– Мы пришли! И какао принесли. Будете? – щедро предложила Лиза.

Глава 5

– Ну и как новая работа? – поинтересовалась Ксюша на следующий день.

– Вникаю. Вы Никиту Борисовича терроризировать прекратили?

Мне и приятно такая верность от коллег, и немного совесть грызет. Есть у меня странная особенность: вот не просила я мстить за меня, даже не знала об этом, но такое ощущение, что именно я всех и подговорила. Или дала понять, подала знаки, что нужно Никиту проучить.

Вчера днем я высказалась в нашей флудилке, чтобы прекращали безобразничать. Никита молодой еще, доведут мужика до инфаркта, а мне потом мучиться совестью.

– Прекратили. И с радостью, – хихикнула Ксю. – Ты чего так оглядываешься?

– Босса жду.

– В кафе? – удивилась подруга. – Ты со своим новым шефом закрутить успела? Ну даешь, подруга!

Я лишь вздохнула.

Жду я не нового шефа, который и правда симпатичный, вежливый, коммуникабельный и вообще мечта, а не мужик.

Жду я как раз-таки Никиту, который тоже симпатичный, и это все его достоинства. Даже симпатичность поистрепа-

лась за последние дни.

– Не волнуйся, больше Никиту изводить не станем, – Ксюша поставила на поднос салат, и мы пошли дальше. – Ради тебя все затеяли, надеялись, что вернет тебя. А некоторые за свои шкурки испугались, потому в месть включились. Раз уж тебя вынудил уйти, то может и до других добратся. Но он вроде понял все.

– Он понял! – уверенно произнесла я, этой самой уверенности не чувствуя.

Как Борис Ефимович мог оставить компанию тому, кому эта компания не нужна? Это как мне доверили бы быть командиром полка – ну не лежит у меня душа к такому, я бы всё развалила.

– Наши девчонки с радостью прекратили войну. Теперь ставки делают... ты читала флудилку?

– Нет, а что там?

– Там новое поле сражений, – ухмыльнулась подруга. – Никита у нас красавчик, да еще и при бабках. Все незамужние, и даже некоторые замужние включились в битву за его сердце. Даже Верунчик.

– Она же с Сережей!

– Ой, да брось. Все знают, зачем ей Серый нужен был – тебя уязвить. А ты балласт скинула, живешь и радуешься. Да и он продолжает таскаться за тобой, чем Верочку бесит, – Ксюша фыркнула, выражая отношение к моей личной жизни. – Вера вроде как временно секретаря заменяет, но хочет

постоянно закрепиться. Всем нам заявила, что на корпоративе она Никиту соблазнит. Но не только она в гонке. Корпоратив обещает быть веселым.

Помнится, Вера вчера шипела гадости про Никиту Борисовича, и вдруг решила его окрутить?!

Мне даже как-то тревожно стало за Никиту. Вот явится человек на корпоратив, захочет коллектив поздравить, отношения наладить, а его наши дамочки напоят высокоградусным зельем, и используют по прямому назначению.

Может, посоветовать ему охрану нанять?

– Я тоже в деле, – подмигнула Ксюша. – Кто-то ради денег, кто-то из-за внешности, а мне его сволочизм нравится. Всегда таких любила.

– У Никиты нет шансов, – я не смогла не рассмеяться.

Бедный мужик. Хотя... он же готов был жениться ДАЖЕ НА МНЕ! Или как он там сказал? Что-то гадкое. Вроде извинился, но такое чувство, что еще сильнее оскорбил.

– О, – Ксюша присвистнула, когда мы стояли на кассе, и расплачивались, – наш красавчик здесь. Хм, что он делает в недорогой кафешке? И почему он машет нам... или тебе?

Подруга уставилась на меня, как на вражину.

– Мы договорились вместе пообедать. Ничего такого, – поспешила я добавить, – я на его сердце и прочие органы не претендую. Просто немного помогу с компанией. Я-то лучше знаю внутреннюю кухню.

– Хм, – Ксюша нахмурилась, а затем натянуто улыбно-

лась. – Ну ладно. Только имей в виду: ради тебя все наши забыли о своей симпатии к новому шефу. Ты сама попросила войну прекратить, и если бы не просьба, мы бы продолжали. С тебя причитается, Надь. Закрутишь с ним – не простят!

– Можете быть спокойны, – фыркнула я, и пошла к столу, за которым устроился Никита.

Вспомнилось первое впечатление о нем: красивее мужика я не видела! Вернее, красивее есть, если судить объективно – отфотошопленные модели на страницах журналов и на билбордах, но на мой вкус они слишком слащавые. Я же всегда любила чуть грубоватую красоту.

Вот только сволочизм, как выразилась Ксюша, испортил все. Некоторые девочки любят плохих мальчиков, но я не из их числа. В школе я тихо и безответно любила мальчика-отличника из параллельного класса, а затем появился Сережа, который ни разу не байкер и не тусовщик.

– Привет, – улыбнулся мне Никита. – Зря отказалась от нормального ресторана.

– А вы сноб. И по-прежнему мне тыкаете, – я села напротив Никиты, который и не подумал купить обед, и начала расставлять тарелки: салат, борщ и блюдце с гренками.

– Можешь тоже ко мне на «ты», – разрешил мужчина, и так снисходительно это прозвучало, что... что слов нет.

Почему он продолжает меня бесить?! Или я придумываю?

– Кстати, у тебя нет с собой конфет, а? – Никита продолжил меня шокировать. – И куда ты устроилась?

– А может, о работе поговорим? Вам подарки нужно разослать, только сначала упаковать их. Это важно, нельзя портить отношения с клиентами. Вот список, – я достала из сумочки лист бумаги. – Здесь расписано что и кому дарить. Наши девочки-логисты знают всех этих людей. Пусть Вера упакует подарки, и завтра после обеда начните развозить.

– У Веры руки из задницы растут, – отмахнулся Никита. – Не надумала вернуться?

Я покачала головой. Мне чертовски непривычно на новом месте, все чужие, но со временем я привыкну. Наверное.

– Жаль. С подарками начнем разбираться вечером. У меня вопросы по персоналу, – заговорил Никита, и взглянул мне за спину. – Андрей?

– Ник? – услышала я, и обернулась – позади стоял мой новый босс, и едко улыбался моему старому боссу. – Что, дела туго идут, раз здесь обедаешь? Увидел тебя, и глазам не поверил, вот подошел чтобы удостовериться.

– Моя девушка предпочитает обедать здесь, – процедил Никита, встал, и пожал руку Андрею Павловичу.

Это рукопожатие больше на армрестлинг похоже, ужас.

– Твоя девушка? Вот так новость, – нахмурился Андрей Павлович. – Надя, не знал, что вы в отношениях.

Я тоже не знала, не поверите!

Сижу, смотрю то на одного мужчину, то на второго, и не знаю, что сказать.

Вскакивать, топтать ногами, и заявлять, что это наглая

ложь – глупо. Но ладони так и чешутся надавать кое-кому пощечин. Вот зачем Никита комедию ломает?!

– А с чего бы моя Надя стала тебе рассказывать, с кем встречается? – Никита изогнул бровь. – Она на отца работала, теперь компания моя. У нас вышла размолвка, вот Надя и ушла. К тебе, мой не слишком юный друг. Бизнес у тебя так себе, зато моя девочка близко ко мне будет, пока не перебесится. Да и ты – скучный тип, я могу быть спокоен, и не ревновать. Такой ответ устроит?

У меня аж уши заложило от злости.

Вот ведь... нет, не сволочь. Мудак! Разузнал, куда я устроилась. Да я и сама хороша, сама сказала, что близко, и буду помогать. Выдала себя. Помощница, блин!

Ну ладно я, дура доверчивая, но Никита!!!

– Как вам не стыдно? – прошипела.

– Мы не на работе. Называй меня на «ты», – подмигнул он.

Интересно, а драка в общественном месте – это статья в административном или уголовном кодексе?!

Гад неблагодарный!

– Надя, можно вас на минутку, я не отниму много времени, – обратился ко мне Андрей Павлович.

– Нельзя! – заявил Никита.

– Можно! – я встала из-за стола, и пошла за новым шефом.

А ладони в кулаки сжала, а то очень уж хотелось поступить, как подростку, и показать Никите средний палец.

Я должна быть спокойна. Уверять, что Никита соврал –

глупо, да и Андрея Павловича не должно касаться с кем я встречаюсь. Компании не конкурируют между собой, секретов я не выдам.

Я выдохнула, успокоив себя. Действительно ведь ничего страшного не произошло. Даже странно, что новый шеф вдруг рассердился на меня, и решил поговорить.

– Надя, – мы остановились у кадки с искусственной пальмой, Андрей Павлович взглянул на меня, нахмурившись, – вы должны были сказать мне.

– Не сочтите за хамство, но нет, не должна была, – вздохнула я.

– Разве? – искренне удивился Андрей Павлович. – Я постоянного сотрудника ищу, не временного. Вас Тоня отстажирует, дела передаст, и на пенсию уйдет. Я много лет с ней бок о бок провел. Для меня моя компания важна, и я не хочу ждать того момента, когда вы с этим... с Дорофеевым-младшим помиритесь, и вы мне ручкой помашете. А ведь так и будет!

Мне стало стыдно. Отчитывает как девчонку, а ведь я не виновата ни в чем. Это чертов Никита как появился в моей жизни, так и грянул апокалипсис. А ведь как я хорошо жила до нашей встречи, каждый день был предсказуем, а теперь сюрприз на сюрпризе.

– Я вас не подведу. Работу и личную жизнь я разделять умею.

– Надя, насчет стажировки...

Боже, сейчас Андрей Павлович скажет, чтобы я проваливала, точно скажет!

– Мне нужна эта работа! – решила я перебить шефа, который с каждой секундой мрачнел все сильнее, и сильнее. Да что не так?!

Что не так я почувствовала через мгновение. И это «не так» выразалось в сильной руке, приобнявшей меня за талию. И в знакомом древесном парфюме, окутавшем меня.

– Ты заставляешь меня скучать, – промурлыкал Никита.

Чтоб тебя Верочка на корпоративе изнасиловала! Я-то, дуручка, еще думала – намекнуть или нет о готовящейся атаке на честь Никиты.

– Насчет стажировки, – Андрей Павлович сменил гнев на милость, и тепло мне улыбнулся. – Предлагаю ее сократить, как и испытательный срок. До окончания праздников, Надя. О такой помощнице можно только мечтать. Прости, Ник, но я чертовски рад, что вы поругались, и твоё стало моим.

– К «моему» руки тянуть не советую, – Никита жутковато улыбнулся, а я поняла, что с меня хватит.

Втянули в балаган! Говорят обо мне, как о вещи какой-то. Еще и Никита этот – свин неблагодарный. Он точно не в Бориса Ефимовича пошел, а в соседа-проходимца.

Наверное, нужно было все же сказать, что Никита пошутил насчет нас, а я боялась глупой показаться. Но теперь-то уже поздно. А жаль.

– Я сама решу, где и с кем мне работать, дорогой, – я «ми-

ло и ласково» улыбнулась Никите.

– Надя, как только вернетесь с обеда, жду вас у себя. Мне не терпится узнать вас поближе, – Андрей Павлович кивнул мне, развернулся, и направился к выходу.

А Никита рванул было следом, но я вцепилась в его талию.

– Не смейте! – прошипела. – Вы что себе позволяете?

– Я просто поговорю с ним, пусти...

– Нет. Лучше со мной поговорите, – я со всей силы ущипнула мужчину за живот, так что он зашипел, но хоть угомонился. – Вы меня о помощи попросили. Извинялись. Кошмарно, конечно, но просили прощения. А теперь снова за старое? Узнали ведь, куда я устроилась, и решили мне жизнь испортить?

– Идем, – Никита потянул меня за наш столик, выдвинул стул передо мной, а затем опустил напротив. – Да, я узнал, к кому ты устроилась.

– Вы подлец!

– Что есть, то есть, – усмехнулся Никита. – А ты вообще в курсе, к кому ты устроилась? Андрея я хорошо знаю.

– Он замечательный человек.

– Он бабник.

– А сами-то, – фыркнула я, вспомнив все, что слышала про Никиту.

– Не без этого. Но я хорошеньким сотрудницам ультиматумы не ставлю: либо кровать и премия, либо увольнение по статье. Кажется, трех девушек он уволил, может и больше.

Одна даже в суд обращалась, да только проиграла.

– Бред какой-то, – отмахнулась я.

Был бы Андрей Павлович таким засранцем, у него бы не работала секретарша предпенсионного возраста. Давно бы сменил на молоденькую. Да и в коллективе я негатива не заметила. За половину дня многого не узнать, я и по именам мало кого запомнить успела, но не выглядят девчонки за-кошмаренными.

– К сожалению нет. Не бред, Надя. Прости за это представление, но пусть Андрей думает, что есть человек, который может за тебя заступиться, – Никита легко мне улыбнулся. – И давай-ка возвращайся ко мне.

– Да вы же меня обманываете. Андрея Павловича оболгали, чтобы я к вам в компанию вернулась, – ахнула я. – Это уже слишком.

– Надь, – Никита накрыл мои руки ладонями, не позволяя подняться со стула, – ты плохое место выбрала в качестве новой работы. Я далеко не ангел, но я и не скрывал этого. И то, что Андрей творит, я не одобряю. А на тебя он явно глаз положил. Головой-то подумай, нужны ли тебе такие проблемы. Ты такая...

– Какая?

– Мягкая. Ты, Надя, абсолютный наивняк, – усмехнулся мужчина. – Таких Красных Шапочек просто обожают Серые Волки. А ты поймешь, что перед тобой волк, а не добрая бабушка, в самый последний момент. Давай мы вместе подни-

мемся к Андрею, и я сам укажу ему место, в которое он может идти, а ты соберешь вещи. Уж прости, но в обиду я тебя не дам.

– Если мы о сказочных персонажах, то Серый Волк здесь именно вы, – я вырвала руки из хватки, встала, схватила одежду с вешалки, и пошла к выходу.

Глава 6

– Итак, Надя...

Андрей Павлович барабанит пальцами по столу, но не нервно, а задумчиво. Смотрит на меня в упор. Раньше бы я смутилась от подобного внимания, когда была юной девицей, а сейчас я уже не совсем юная.

И далеко не девица.

Потому ответила шефу точно таким-же взглядом, пытаюсь сдержать смешок. Сидим, играем в гляделки, как школьники.

– О чем вы хотели поговорить?

– Я вам симпатизирую, – мягко улыбнулся мужчина. – Не подумайте лишнего только. Вас я на конференциях видел, пригляделся.

– Это на тех, где меня обсуждали, как эскорт?

– Это было лишь однажды, – хмыкнул Андрей Павлович. – Ваш престарелый рыцарь защитил вашу честь, а потом я и сам увидел, как и остальные. Насколько вы сдержанная и исполнительная. И насколько вы преданная. Потому вы мне симпатичны, и я искренне хочу помочь.

– Спасибо, – растерянно ответила я.

Помог ведь уже – на работу взял. С остальным я и сама справлюсь, не маленькая уже. Да и не так уж много у меня

проблем.

– На вашем месте я бы не стал встречаться с таким человеком, как Никита – это мой вам совет, – выдал босс.

– Я бы удивилась, если бы стали. Я за толерантность, конечно, но...

– Вы поняли, о чем я, Надя, – перебил Андрей Павлович.

– Разумеется, я поняла, – кивнула. – Вот только личная жизнь на то и личная. Я не люблю выносить ее в общественное поле, тем более, простите, обсуждать с плохо знакомыми мне людьми.

Дура я, дура. Надо, все же, было сразу сказать, что Никита солгал, и вовсе я не его девушка, или невеста, или кем он меня назвал?!

– Это вы мне так намекаете, что я влез не в свое дело?

Я собралась с духом, и кивнула. Он, конечно, босс, но лучше сразу обозначить границы. Пусть обидится, пусть даже выгонит, но все лучше, чем позволять в душу влезать. Мне одного нарушителя границ хватило – явился в грязных ботинках, потоптался как мог, втянул в историю, и вот она я, сижу и пытаюсь доходчиво дать понять человеку, чтобы он шел к черту.

– А я, все же, влезу, – нахмурился Андрей Павлович. – Вы – девушка Никиты, так?

– Так, – мрачно призналась я.

– А вы в курсе, что на прошлой неделе он прекрасно проводил время с девушками другого порядка? Я видел его в

одном известном в узких кругах клубе, и он был не один, – мужчина подарил мне сочувственную улыбку. – К таким де-вушкам, конечно, не ревнуют, они одноразовые, но вам сле-дует знать.

Будто я не знала, что Никита – бабник! Пффф, тоже мне, новость, но... неприятно. Вот пожелала я, чтобы Верочка его на корпоративе обесчестила, а теперь мне кажется, что ему этот процесс еще и удовольствие доставит.

– Спасибо, что просветили. Мы были в ссоре.

– У вас была длительная ссора? – Андрей Павлович бро-сил на меня внимательный взгляд. – Две недели назад я тоже встречал Ника, и он, опять же, был не один, а...

– Я поняла, – кивнула спокойно, сдерживая недовольство. Наверное, это потому, что всюду этот чертов Никита, вот я и бешусь. – У нас с ним такие отношения. Меня устраивает. Но спасибо, что просветили.

Не могу понять, Андрей Павлович сейчас себя не по-муж-ски ведет, или он и правда желает мне добра, и потому пы-тается глаза открыть?!

– Вас устраивают измены? – мужчина удивленно устави-лся на меня. – Надя, вы, видимо, не понимаете! Я правда вам добра желаю, вы в говнюка вляпались. Давненько я Никиту знаю, и знакомству этому я не рад. Моя сестра по нему с ума сходила со школы, учились они вместе. Он лишь насмехался над Лидочкой, но она, глупая, за ним и в университет пошла, чтобы поближе быть. Он попользовался ею, и бросил. Счет

они вели, у кого сколько девчонок в кровати побывает за семестр. Про чувства Лиды Ник знал прекрасно, и ответил на них на одну ночь, когда понял, что может не выиграть. А наутро доходчиво объяснил моей сестре, чтобы шла на выход, второй раз уже скучно, и в общий зачет не идет. Она до сих пор в себя прийти не может от унижения.

Я нахмурилась, наблюдая за взволнованным Андреем Павловичем. Неужели Никита потому оговорил его, чтобы я не узнала эту гадкую историю?

Но, с другой стороны, Никита давно выпустился из университета, и сам уже не юноша. Значит, и Лида эта тоже взрослая женщина, и до сих пор не может отойти?!

– Лида все еще любит его, – Андрей Павлович правильно оценил мое выражение лица. – Я бы не стал вмешиваться в чужие отношения просто так, но скажу еще раз – вы мне симпатичны. И достойны большего. Никита не умеет любить, и искренним он не бывает. Вас он использует, советую подумать, для чего вы могли ему понадобиться, а затем оборвать все связи. И... вы можете идти, Надя.

Я вышла, села за секретарский стол, и принялась за работу. До вечера я отложила то, что узнала, в дальний ящик сознания, а вот когда вошла в лифт после окончания рабочего дня, вспомнила.

Палец дрогнул, хотела по привычке нажать на этаж, где работала раньше. Я ведь обещала помочь, меня ждут!

«Компания не развалится, если я не помогу Никите. Он

своими фокусами не помощь заслужил, а пощечину» – мысленно сказала я сама себе, и нажала на кнопку первого этажа.

Вышла из лифта, и взглянула на часы – семнадцать ноль семь. Если за восемь минут дойду до остановки, то успею на маршрутку, и доеду без пробок.

– Так и знал, что сбежишь, – услышала я за спиной знакомый голос. – Ну что, Красная Шапочка, идем ужинать? У меня на тебя грандиозные планы.

– Я...

Обернулась к Никите, который выглядит как всегда – наглый, насмешливый и еще более уставший.

– Надеюсь, ты уволилась? – перебил он, приобнял меня за талию, и повел к выходу из бизнес-центра. – Нет? Глупо. Думал, ты умная девочка. Ну ничего, я за тобой присмотрю. А сейчас на парковку, я дико проголодался, мне еще половину ночи работать из-за того, что я сейчас ушел. А все, чтобы тебя перехватить. Цени!

НИКИТА

– Заказывай, что хочешь, – кивнул Наде, и устало откинулся на спинку стула.

Привез ее не в самый любимый, а в самый дорогой ресторан. Сам не знаю, зачем. Помню, что она не пообедала, и захотелось и накормить, и показать, что не такой уж я осел.

Ошибки признавать умею.

Облажался, готов исправиться. На все готов, лишь бы Ве-

ру из приемной убрать. А лучше вообще из компании.

– Спасибо, я буду салат, – Надя поежилась, на меня посмотрела, будто я какой-то Воландеморт. – Насчет помощи, я подумала, как следует, и...

– И ты хочешь отказаться мне помочь, так?

– Так.

– И почему же? – сузил глаза, и попытался найти в девичьем лице что-то, что дало бы мне подсказку, но не нашел.

Женщин я никогда не понимал. Странные создания, как с другой планеты. И Надя это подтвердила:

– Потому что.

– Это не ответ.

– Это ответ, – вздохнула она, не став ничего объяснять.

Реально, с другой планеты. Ну неужели так сложно сказать словами, что не устраивает? Нет, лучше дуть губы, уничтожить взглядом, и надеяться, что мужчина сам догадается.

– Я, конечно, талантливый человек, но мысли читать пока не умею! Говори, что не так. Обиделась на то, как я себя за обедом вел? – предположил. – Так я объяснил. Андрея я знаю давно, и я просто решил тебя защитить. Будет думать, что мы вместе, возможно не полезет к тебе.

– Спасибо за помощь, – нахмурилась Надя.

И замолчала.

Бесит такое поведение! Любую другую бы давно послал, а Надю... послать хочется, конечно, но не хочется, чтобы она уходила. Наверное потому, что как секретарша она – огонь!

Вернуть нужно.

А еще хочется смотреть на нее, пусть даже на такую недовольную. На россыпь мелких веснушек на носу и скулах, на карие глаза с расплавленным золотом, на нежную линию подбородка.

Черт, даже ушки у нее милые – розовые, так и тянет прикусить. Хм, раньше я на другие части женского тела предпочитал смотреть. Неужели меня так эта работа допекла, что я все, того, фетиш нашел?!

– Так, ладно, – заставил себя смотреть на принесенную еду, а не на Надины уши. – Об этом потом, давай просто пообедаем, и поговорим о чем-нибудь.

– Приятного аппетита.

Кормят здесь прилично, но платят здесь не за еду, а за пафос. Пилят фоточки, отмечают локацию, вот только Надя и не думает доставать телефон. Сидит, медленно ест свой салат.

Вспомнил восхитительный аромат в квартире Нади, и еда начала казаться мне пресной. Лучше бы мы к Наде поехали, посидели бы на кухне – там и разговор был бы непринужденнее, и еда вкуснее.

Но Надя уж очень грустной и недовольной выглядит. Пришедшая в голову мысль дико разозлила – так, как я сам от себя не ожидал:

– Андрей что-то сказал тебе? Приставал? Обидел? – сжал ладони в кулаки, представляя, как набью его высокомерную

рожу. – Да не молчи ты!

– Андрей Павлович ко мне не приставал, и ни разу не обидел.

– Но что-то сказал, да? – поймал взгляд девушки, но она отвела глаза.

Значит, сказал. Только что? Ясно, что про меня, раз Надя шарахается от меня, я ее в ресторан-то еле дотащил. И это мое приглашение больше на похищение смахивало. Но что Андрей мог про меня рассказать?

Я ни разу не ангел, а совсем наоборот, но я и не скрываю этого. В подростковом возрасте пытался быть правильным, но надолго меня не хватило, а потом я на это плюнул – характер все равно прорвется, так лучше пусть для окружающих это не будет шоком. А в остальном... в остальном, я никого не убивал, не насиловал, не воровал и не предавал.

Хм, я думал, что я не ангел, но если рассудить, то я почти святоша! А Андрею я морду точно набью, чтобы не лил в уши Нади гадости про меня. И вообще, пусть возвращает мне ее!

– Давайте лучше поговорим о чем-то другом, как вы и хотели, – упрямо мотнула головой девушка.

– Ну давай. Может, ты в курсе, мои подчиненные – сумасшедшие?

– В смысле? – закашлялась Надя.

– В прямом. При отце, когда он мне дела передавал, ко мне просто приглядывались, но вели себя корректно, – на-

чал я погибать пальцы. – Далее появилась ты, и я стал врагом хуже фашиста. А сегодня вся женская часть коллектива решила не дать мне спокойно работать. Устроили безобразие! Я, конечно, просил тебя сказать им завершить боевые действия, но ты, Надя, перестаралась.

– О чем вы говорите? – Надя попыталась соорудить невинное личико, но получилось у нее плохо.

Глаза, впервые за весь вечер, весело заблестели, и она стала выглядеть еще милее.

– О том, что разрядились наши девушки как на конкурс красоты.

– Скоро Новый Год, дресс-кода у нас нет, вот и принарядились, чтобы почувствовать праздник, – пояснила Надя.

– И потому каждые пять минут кто-то из них забежал ко мне в кабинет, чтобы порадовать меня содержимым декольте? – приподнял я бровь. – А еще вдруг все решили, что я исхудал, и принесли мне пирогов, пирожков и даже голубцы в контейнерах!

– И вам мало было? – Надя указала мизинчиком на мой почти доеденный стейк. – Пирогам и голубцами не насытились?

– Я наших девушек опасаюсь. И есть их еду не стану. Они меня реально пугают, Надь, – взглянул на нее, пытаясь показаться несчастным, что у меня всегда хреново получалось. – Еще Вера эта... ты почему мне сразу не сказала, что она неадекват? Я бы ее уволил. А сейчас приходится терпеть. Да-

вай ты вернешься, а?

Надя устало выдохнула и покачала головой.

– Я твоего бывшего сегодня встретил, – выдавил я. – Он к Вере заходил, а потом меня подкараулил. Про тебя спрашивал.

– Вы ведь не сказали Сереже, где я работаю, надеюсь? Он, конечно, узнает потом, но я не хочу, чтобы он таскался на новую работу, – встревожилась Надя.

У меня была такая мысль – сдать Надю, пусть бы ходил этот бывший и бесил Андрея своим присутствием, но мысль эту я отбросил. Меня этот Сережа взбесил. Тюфяк и мямля, ходит, болтается как говно в проруби, и сам не знает, что хочет. Но он точно идиот, раз выбрал Веру, а не Надю. Я бы такой ошибки не совершил.

Хм, но, наверное, не такой уж он и идиот, раз пытается с Надей помириться. Фигово пытается, но все же цветы дарит. А вдруг она поведется, и примет мужика обратно?

Посмотрел на Надю, и вспомнил маленькую Лизу – нет уж! Они достойны кого-то получше в роли мужа и отца!

– Не сказал.

– Спасибо. За ужин тоже спасибо, и мне пора домой.

– Надя... – выдохнул ее имя, и начал соображать, как ее удержать.

Вот не хочу отпускать, и все! Можно в офис поехать, можно в ресторане остаться. Можно и ко мне домой отправиться, если бы Надя согласилась. Я сглотнул, представив нас дво-

ем в темноте моей квартиры, на кровати... а можно и на столе, или на подоконнике. Горизонтальных поверхностей у меня хватает, и я бы опробовал их все.

Вот черт, о чем я думаю?!

Нужно думать о том, как Надю на работу вернуть. Помогать мне она передумала, не тащить же ее силой!

– Ой, простите, – Надя нагнулась, залезла в сумочку, и достала звонящий телефон: – Да, мам... уже не на работе, а что? Что-то с Лизой? Ох... конечно, я сейчас приеду, уже лечу!

Надя вскочила, взволнованная и покрасневшая, и я сам вдруг тревогу почувствовал.

– Мне пора, всего доброго.

– Подожди-ка! Я доведу, заодно расскажешь, что случилось, – схватил ее за руку, и подозвал официанта.

– Так что с ребенком-то? – поторопил я Надю, когда мы сели в машину, и она назвала адрес.

– С Лизой? Все хорошо, – отмахнулась она, но еще сильнее помрачнела.

– Женщина! Разве можно так пугать?! – зарычал я, и поймал ее удивленный взгляд. – Я думал, что случилось что-то страшное.

– Вы встревожились из-за моего ребенка? – улыбнулась она еле заметно, и я заметил ямочки на ее щеках.

Вот черт. Это тоже дико мило.

– Да, встревожился, – отрезал.

Не говорить же ей, что детей я люблю, и Лиза ее мне понравилась – милая девчушка-солнышко. Да и мама у Лизы, оказывается, тоже милая и нежная.

– Почему?

– Моего младшего в детстве похищали. До сих пор помню этот ужас.

– Ох, кошмар. Выкуп требовали? Бандиты? – Надя повернулась ко мне, еще больше встревоженная.

Хм, не о том я хотел с ней разговаривать. Вроде женщины любят легкость и фан. На конкретно эту женщину у меня есть четкие планы – вернуть ее в свою приемную. И смутные планы без цензуры, над которыми еще следует подумать. Поразвлекся я бы рад, но потом как вместе работать-то?!

– Никита Борисович!

– Брат домой возвращался с уроков, а его в машину затолкали два наркомана. Это не конкуренты отца, не бандиты, а обычные обдолбыши были. Увидели нормально одетого пацана, и решили бабла срубить. Их быстро поймали, с младшеньким все в порядке, но мы долго отходили, – все же сказал я Наде, и она побледнела.

Да, веснушка, мир иногда бывает тем еще дерьмовым местом.

– Так что у тебя случилось?

– Да в общем-то ничего ужасного, но Лизу нужно забрать, – растерянно пробормотала она. – Я иногда ее маме отдаю, но очень редко, и на день-два. Мама и сама отказыва-

ется часто с ней сидеть. Говорит, сама родила, самой и воспитывать, и это логично, конечно. Хотя и обидно, – вздохнула девушка. – Родственники приехали полным составом, начали мою Лизку доставать, она троюродного брата немножко... кхм, побила, так что лучше я домой ее заберу.

– Воинственная у тебя дочка, – усмехнулся я.

Не могу представить, чтобы тот кудрявый ангелочек в фартуке мог кого-то побить.

А еще мне просто не верится, что недавно встреченный мною тюфяк – отец этой малышки, и что Надя могла с ним жить. Не могла получше найти?!

– Лиза у меня особенная, – улыбнулась Надя. – Наверное, так говорят все матери, и все считают своих детей особенными. Она меня вопросами заваливает, и мне всерьез приходится заморачиваться с ответами. Ее не удовлетворяют ответы про аиста, который приносит детей. Говорит, что ни одного аиста в городе не видела, а малышкой зато видела многих. А когда спросила, почему небо голубое, я вообще полезла в интернет, сама ответ на этот вопрос не знала, – Надя говорила с гордостью и умилением, и я невольно улыбнулся. – А Антона она не в первый раз колотит. Он не злой мальчик, но шкодистый. Любит ее игрушки разбирать на части, то есть ломать. Из книжек листы выдирает, а Лиза такое не любит. Я ей объясняю, что так нельзя, и нужно решать все разговором, но она говорит что словами дурному мальчишке ничего объяснить не выходит. И из-за этого мама и остальные род-

ственники злятся и на нее, и на меня. Говорят, чтобы я Лизе ремня всыпала, вот только дудки!

Надя вздохнула.

Смотрю на нее, и не вижу взрослую женщину и мать. Внешне девчонка совсем, хотя ее возраст я знаю. Но живая такая, наивная, простая. И в этой простоте нет скуки. Просто она не выделяется. Навидался я девушек, высокомерно говоривших, что просто обожают поэта Чайковского и художника Глинку.

Вот только как я вообще мог подумать, что эта кнопка – зло во плоти?! Мать, конечно, накрутила меня, да еще и этот затянувшийся больничный сыграл роль. И Вера, глаза бы мои ее не видели, как попугай твердила, что Надя отлично устроилась: то в отпуск, то на больничный, а там и Новогодние праздники, после которых возможно будет еще один больничный. Ну а последняя капля – зашел в офис, а Надя вместо работы ёлочку украшает.

Ну, будет мне урок: в женском коллективе нужно не словам верить, а своим глазам.

– А этому своему ты Лизу не отдаешь? Почему она с твоей мамой-то?

– Вы про Сергея? А, – Надя махнула рукой, – он не помощник. Я не запрещаю им видеться, но ему с Лизкой скучно. Говорит, что как подрастет, так и будут общаться. Вот только боюсь, как Лиза вырастет, ей самой перестанет быть нужен Сережа, – она кивнула вправо, – вот здесь поверните,

лучше через дворы.

Я проехал через дворы, и остановился у нужного подъезда.

– Спасибо вам. Даже не ожидала, – улыбнулась Надя, и мне даже обидно стало.

Неужели я такой ужасный? Ну накосячил, так ошибку вроде признал, и даже извинился. Не такой уж я злодей.

– С тобой подняться?

– Нет, что вы, – вежливо отказалась Надя.

Знаю, что это лишнее, но вид у нее испуганный. Это что там за семейка такая, что Надя с духом собирается, чтобы в дом войти?!

– А придется, – нашел я выход. – Мне нужно сполоснуть руки, – намекнул на туалет, и Надя кивнула.

Мы вышли из машины, и пока поднимались в лифте, я попытался понять: я веду себя так только ради того, чтобы Надя вернулась в компанию, или мне нужно что-то большее?!

Девушка дважды нажала на кнопку звонка, выдохнула резко – так мужики делают, перед тем как стопку опрокинуть, и сказала тихо:

– Если что, заранее простите.

– Мы будто в логово к дракону идем, – пошутил я, и Надя серьезно кивнула.

А затем дверь открылась.

Глава 7

– Мамочка! – Лиза вылетела на лестничную клетку прямо в своих белых носочках, и обняла меня за ноги. – Поехали в дом!

– Домой, – поправила я, и хмуро взглянула на маму, которая и сама глядела на меня с вызовом.

– Надя, нельзя так.

– Как?

– Потакать ребенку во всем. Лизе нужна строгая рука, она оторвой растет. Антоша весь в слезах, она довела мальчишку, а он всего-то попросил поиграть с этим ее жутким медведем.

– Он моего Потапыча в унитаз хотел макнуть, – Лиза подняла на меня взгляд, и я поняла – не обманывает.

– Вранье! – рявкнула мама, и я покачала головой – не сейчас.

Никита стоял за открывшейся дверью, мама его не видела, и я кивнула ему:

– Вы хотели в уборную?

– Перехотел, если честно. Пусть Лиза соберется, и поедем домой, – скомандовал он.

– Проходите, что вы за дверью встали, – мама махнула нам обоим, и нам пришлось войти в коридор. – Вы простите, се-

мейные разборки. Кстати, я Инесса Вагановна. А вы, молодой человек?

Пока мама с Никитой знакомилась я прислушивалась к знакомому шуму и гаму, царившему в доме. Мама не любит, когда такой кавардак и полный дом гостей, но замечания только мне делает, когда я прошу ее с Лизаветой посидеть. А вот дальним родственникам она всегда рада. И всегда на их сторону встает, как и сейчас.

– У Антона кровь из носа, Лиза должна извиниться, – мама вынесла рюкзачок моей дочери, а Лиза в это время надевала сапожки, и отмахивалась от моей помощи. – Пока не извинится, никто не выйдет, и не поздоровается с тобой, Надя.

– Ей не за что извиняться. Была бы виновата, как тогда, когда она сервиз разбила, Лиза бы извинилась. Сейчас – нет, – заявила я.

Это я всю жизнь ходила, и извинялась, как мама приказывала. Виновата, не виновата, ее не волновало. Даже когда мальчишки облили кетчупом дверь соседки, а она вышла из квартиры в тот момент, когда я из музыкалки возвращалась, и решила, что это я набезобразничала, пришлось извиняться мне. Столько лет прошло, а до сих пор обидно!

Я и в семейной жизни по инерции извинялась даже за действия правительства, которым Сережа был недоволен. Вот только начала отучаться, и дочь в это не втяну.

– Я сто раз говорила тебе про воспитание, Надя. Объясняла, учила, а ты почему-то слушать не хочешь, – мама сло-

жила руки на груди. – Вот увидишь, из твоей Лизы вырастет разбойница. Она уже с мальчиками дерется, врет. Что дальше? Начнутся мальчишки, побеги из дома, и панель?

– Угу. Наемные убийства и вступление в наркокартель, – фыркнула я.

– Не ругайтесь, – пискнула малышка, дернув меня за рукав. – Бабушка же уже меня наказала.

– Наказала? – я взглянула на маму. – В каком смысле?

– Ни в каком, – раздраженно отмахнулась она. – Все, не хочет извиняться, так уходите. Никто меня не слушает, конечно, мать же дура. А потом увидишь, что я права была. Вот из такого хулиганства и выливается большое, а все из-за воспитания. Ладно я, не мне внучка нос разбила, но перед Антошей нужно извиниться, и перед его родителями, которые именно этого и ждут. И от тебя, и от Лизы. Именно ты не сумела объяснить дочери, что насилие – не выход!

Глаза Лизы наполнились слезами, я хотела прижать ее к себе, но Никита подхватил ее на руки.

– Смотри, какая цепочка, – услышала я его голос. – Не будешь плакать – подарю. А улыбнешься, так и колечко добавлю. Тебе оно как браслет будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.